

Когда Гарри достиг края леса, он остановился, холод дементоров сдерживал его. В своем нынешнем настроении он не мог вызвать ни одной счастливой мысли, чтобы призвать Патронуса.

Пока он стоял там, размышляя, его мысли ненадолго обратились к квиддичу. Он рассеянно вытащил свой снитч из сумки на шее, ища утешения в знакомом. Его разум сделал интуитивный скачок:

Я открываюсь в конце.

Точно так же он знал, что означают эти слова, знал, что нужно сказать, чтобы открыть ее. И в тот момент, когда он нашел внутри Камень Воскресения, он понял предназначение последнего подарка Дамблдора: вызывать души своих умерших близких в это трудное время. Не было ни колебаний, ни вторых мыслей. Когда он закрыл глаза, он пожелал, чтобы они появились.

Когда через несколько мгновений он открыл глаза, его друзья и семья стояли вокруг него; не во плоти, а в определенном присутствии, определенно более существенном, чем призраки Хогвартса.

Первыми его взгляд упал на Гермиону и Рона. Они стояли вместе и в стороне, выглядя как-то более выносливыми, чем когда он видел их в последний раз — в их предсмертные минуты. Вместо этого они были такими, какими были до похода из ада.

Даже Сириус и Ремус сияли жизненной силой, которой они не обладали за все время, что он их знал. В глазах Сириуса не было ни блеска безумия, ни вечной усталости на лице Ремуса. Потом были его родители, стоящие бок о бок и широко улыбающиеся, как на его любимой фотографии. Они все улыбались ему.

И все же сердце Гарри колотилось от страха. Даже их улыбки не могли поколебать его страх смерти.

И за этим страхом скрывалось чувство вины, чувство, что он несет ответственность за каждую из их смертей. Он попытался извиниться: — Я хотел сказать, я такой... — но Гермиона оборвала его прежде, чем он успел произнести хоть слово.

— Не смей извиняться, Гарри, — предупредила она. — Ты практически умолял нас не уходить, но это нужно было сделать, Гарри.

Рядом с ней Рон кивнул в знак согласия: «Ты знаешь, я не хотел умирать больше, чем ты, приятель. Но я горжусь тем, что пошел тем же путем, что и я, уничтожив часть этого ублюдка!»

Гарри открыл рот, чтобы возразить, но снова закрыл его, не говоря ни слова. Он собирался

позволить убить себя по той же самой причине; кто он такой, чтобы спорить?

Вместо этого он кивнул в знак признания, а затем расправил плечи от холода дементоров, приняв решение.

Призраки оставались рядом с ним, когда он углублялся в лес, их присутствие ослабляло эффект дементоров и давало ему смелость ставить одну ногу перед другой, несмотря на знание того, что каждый шаг приближал его к смерти.

Звуки битвы стихли позади него, когда он углубился в лес. Время будто замедлилось. В лесу было неестественно тихо, единственным звуком был хруст его шагов. Он не встретил ни одного из местных существ леса, ни каких-либо признаков того, что они все еще могут быть поблизости.

Казалось, он шел целую вечность — и совсем не было времени — когда наконец наткнулся на свой первый признак жизни: звук двух Пожирателей Смерти, Яксли и Долохова, спотыкающихся между ближайшими деревьями, их палочки пылали. Судя по их реакции, они тоже его услышали.

Гарри сунул камень в карман, когда они оказались на виду. Затем он набрался смелости и шагнул вперед, подняв пустые руки в жесте капитуляции. — Я полагаю, что Волдеморт ждет меня, — крикнул он, говоря громко, чтобы в его голосе не было страха.

При звуке его голоса Долохов и Яксли направили на него палочки. Гарри потребовалась вся сила воли, чтобы не вытащить свою палочку, не предпринять никаких движений, чтобы защитить себя. «Отведи меня к своему Мастеру», — повторил он сам. Ни один из мужчин не показал никаких признаков понимания ссылки.

Яксли выглядел гораздо более заинтересованным в том, чтобы проклясть Гарри, чем вести его куда-либо, но он все равно сделал это, толкая Гарри вперед и пиная его, направляя его вглубь леса. Хотя он и споткнулся, Гарри не попытался сопротивляться, позволяя направить себя, хотя и грубо, на поляну, которую он видел в своем видении. Отсутствие проклятий подтвердило подозрения Гарри в том, что Темный Лорд ясно дал понять: он хотел убить Гарри Поттера сам.

Они ехали не больше минуты, когда Гарри впервые увидел свет костра, пробивающийся сквозь деревья. Когда он, спотыкаясь, продирался сквозь последнее дерево, его взгляд остановился на небольшом скоплении Пожирателей Смерти, тех немногих, которых Волан-де-Морт удержал от битвы.

В центре поляны стоял Волан-де-Морт, труп Нагини висел шарфом на его плечах, он гладил ее с нехарактерной для него нежностью левой рукой, а правой сжимал Бузинную палочку. На земле, где они упали, лежали два скрюченных человеческих трупа: Гермиона у ног Темного Лорда, а Рон в нескольких шагах от него.

Волдеморт посмотрел на некрасивое появление Гарри.

Гарри встретился взглядом с темным волшебником, несмотря на страх, пробегающий по его телу. — Я полагаю, ты ждал меня, — сумел сказать он.

Волдеморт уставился на него с непроницаемым выражением лица: «Ах, мистер Поттер, я уже начал думать, что ошибся в вас, — он злобно улыбнулся, — но вот вы здесь. Наконец-то пришли присоединиться к своим друзьям после смерти?»

Гарри подошел ближе, встретившись глазами со своим заклятым врагом, красными и бездушными, и ответил: «Давай просто покончим с этим, Том», слова были смелее, чем он чувствовал.

Эффект от одного этого слова был мгновенным. Пустое выражение в глазах Волдеморта превратилось в такой сильный взгляд, что Гарри подумал, что он может упасть замертво от одного этого. «Меня зовут Лорд Волдеморт!»

Гарри фыркнул, его выдающаяся кончина лишила его жизненно важных запретов. «Ты можешь придумывать сколько угодно имен, Том, но ты всегда будешь Томом Марволо Риддлом... Теперь ты собираешься меня убить? Или так и будешь стоять и смотреть всю ночь?»

Он сделал еще один шаг вперед.

Волдеморт начал поднимать палочку с непроницаемым выражением лица, еще раз: — Так жаждешь умереть, Поттер?

"ГАРРИ! НЕТ!" — прервал голос из-за спины Гарри.

Гарри повернулся; привязанный к дереву на краю поляны стоял Хагрид, борясь с надежно связывающими его веревками.

— НЕТ! НЕТ! ГАРРИ, ЧТО ТЫ... — повторил он, только чтобы быть прерванным безмолвным ругательством Яксли, прежде чем он успел закончить свой вопрос.

Гарри снова обратил внимание на Волдеморта. Несмотря на его предыдущую бравату, потребовалось сознательное усилие, чтобы не вытащить палочку, когда Волдеморт снова поднял свою собственную. Он пришел сюда, чтобы умереть. Он был последним хоркруксом Волдеморта. Он должен был умереть.

Тишина была тяжелой, единственным звуком было потрескивание огня, пока два волшебника продолжали смотреть друг на друга. Наконец Волдеморт заговорил: — Гарри Поттер... Мальчик-Который-Выжил...

За его заявлением последовало еще одно короткое молчание, затем слова: « Авада Кедавра! »

Вспышка зеленого света, и Гарри больше ничего не знал.

Когда Гарри проснулся, его окружил яркий туман. Медленно туман рассеялся, превратившись в пустую и чистую версию вокзала Кингс-Кросс.

Он был один, если не считать корчащегося тела. Гарри считал, что это было физическое воплощение хоркрукса, который уничтожил Волан-де-Морт, когда ударил Гарри Смертельным проклятием. Он лежал под одним из сидений и имел смутную форму обнаженного ребенка, если бы кто-то взял голого ребенка, взбил его до полусмерти, а затем поджег, пока его кожа не стала сырой, грубой и содранной. .

Оно издавало самые жалкие звуки, и Гарри стоял, уставившись на него, чувствуя себя трусом, не в силах заставить себя прикоснуться к нему, но и не в силах отступить.

Он все еще стоял там, глядя, когда его вздрогнул от появления директора Дамблдора — или чего-то похожего на директора. Внешне он был таким, каким Гарри его помнил, но когда дело дошло до раздачи информации и объяснений, он был гораздо более открыт с Гарри, чем когда-либо в жизни.

Во-первых, Дамблдор объяснил, как Волдеморту не удалось — из-за собственной жадности — убить Гарри, убив вместо этого крестраж, который Гарри скрывал столько лет. Затем он подробно рассказал, как Волан-де-Морт непреднамеренно привязал Гарри к жизни. Поглощение Волан-де-Мортом жертвы Лили собственной кровью при его воскрешении поддерживало магию, пока он сам выживал.

Директор объяснил, как связь между Гарри и Волан-де-Мортом работала, чтобы дать палочке Гарри власть над любой палочкой, которой мог владеть Волан-де-Морт. Они даже говорили о Дарах Смерти: об опрометчивых поисках их Дамблдором и о том, как Гарри стал истинным повелителем смерти.

Было ли это намерением директора или нет, но чем больше они говорили, тем яснее становился Гарри истинный смысл пророчества и тем больше он осознавал, насколько оно самоисполнялось. Ни одно слово из этого не было бы правдой, если бы Волан-де-Морт не услышал его и не попытался предотвратить поражение, сначала попытавшись убить его, а затем попытавшись использовать его кровь — с той же целью. И все же то же самое пророчество сформировало всю жизнь Гарри, превратило его в жертву, которой никогда не должно было быть.

Итак, когда Дамблдор предложил ему выбор, которого он не ожидал, — выбор между возвращением и движением дальше — выбора — который должен был быть простым — не было. Он уже потерял так много: своих родителей, свое детство, своих наставников, свою юность, своих лучших друзей, свою невинность... и все же, как бы он ни жаждал двигаться дальше, перестать бороться, он не мог заставить себя отказаться от того, что осталось. или отказаться

от волшебного мира и тех немногих его друзей, которые все еще живы.

Он помедлил: — Просто так... Я имею в виду, даже если я вернусь, это ничего не изменит. Все по-прежнему будут мертвы: мама, папа, Сириус, Грюм, Ремус, Тонкс, Фред, Рон, Гермиона... а сколько других? Сколько еще погибло, пока я выслеживал хоркруксы?»

Банальность, с которой ответил Дамблдор — о жалости к живым, а не к мертвым, — не успокоила растущий гнев Гарри.

«Это просто кажется такой тратой времени, — продолжил мальчик, — почему так много людей должны были умереть? Война должна была закончиться много лет назад... это не должно было быть моей работой, чтобы закончить ее!»

На лице директора появилось задумчивое выражение, и он, казалось, боролся с вопросом, должен ли он чем-то поделиться или нет. Это было не то выражение, которое Гарри привык видеть на лице Дамблдора.

Когда он, наконец, заговорил, Дамблдор, казалось, тщательно подбирал слова: «С твердой убежденностью и добродетельными намерениями, возможно, есть способ...»

Он сделал паузу, прежде чем продолжить: «Большинство считает, что это всего лишь сказка о фейри, и для того, чтобы попытаться это сделать, требуется единодушное согласие всей Международной конфедерации волшебников. Но есть сообщения о способе не повернуть время вспять — что создало бы колоссальные парадоксы — но вместо этого создать раскол — своего рода альтернативную вселенную, можно было бы назвать это — вводя кого-то из настоящего в точку в прошлом, обе вселенные продолжали бы существовать, но человек, путешествующий назад, проживал бы остаток своей жизни во вновь созданной Вселенной.

«Возможно, если ты вернешься, как только битва будет выиграна, ты сможешь попробовать свои силы в переписывании мира, в котором живешь...»

В конце концов, Гарри понял, что ему нужно вернуться.

Не для тех, кого он оставил позади — большинство из тех, о ком он глубоко заботился, находились по эту сторону завесы.

Не из-за какого-либо желания прикончить Волдеморта — он более чем выполнил свою роль, умерев, позволив кому-то другому прикончить его.

Нет, он решил вернуться из-за жгучего желания все исправить, стереть пророчество, которое никогда не должно было стать чем-то большим, чем жуткие слова, произнесенные в захудалой таверне.

<http://tl.rulate.ru/book/82909/2635728>